

УДК 323.3+329

Константин Викторович Киселев

кандидат философских наук, доцент,
заместитель директора
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук
г. Екатеринбург
(343) 362-81-34 kiselevkv@yandex.ru

СТРУКТУРИРОВАНИЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ И ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ¹

Рассматриваются основные методологические проблемы изучения структуры локальных сообществ в Российской Федерации, в том числе вопросы импозивности, конструирования идентичностей и формирования групп интересов локальных сообществ. Анализируются основные тенденции развития структур локальных сообществ. Проводится классификация групп интересов и структур локальных сообществ.

Локальные сообщества, локальная демократия, группы интересов, структура локальных сообществ, методология изучения групп интересов, классификация групп интересов в локальных сообществах.

Вопрос о структуре местных сообществ и группах интересов имеет не только и не столько теоретическое значение. Его практическая значимость принципиальна хотя бы в силу того, что без знания о наличии и динамике интересов сообщества невозможна ни продуманная стратегия развития, ни организация гражданских кампаний с благими целями. Социальная инициатива, не опирающаяся на реальные интересы, будет обречена изначально, и даже при значительном финансировании просуществует лишь незначительное время, определяемое этим самым финансированием.

Проблема структурирования интересов в местном сообществе в ее теоретико-прикладном звучании связана с пониманием как минимум следующих принципиальных методологических моментов.

Первый. Бесструктурных локальных сообществ до сих пор замечено не было. Любое местное сообщество всегда имеет и иерархию, и горизонтально взаимодействующие интересы. Впечатлительные однородности у наблюдателя создают эффекты так называемой

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации программы Президиума РАН «Экономика и социология знания» по проекту «Гуманитарное знание XXI века: интеллектуальные и институциональные вызовы».

имплозии, описанной Ж. Бодрийяром в работе «В тени молчаливого большинства, или Конец социального». Массы, по Ж. Бодрийяру, «не излучают, а напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального. Именно в этом смысле масса выступает характеристикой нашей современности – как явление в высшей степени имплозивное, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией, а может быть, и вообще любой практикой и любой теорией» [1, с. 7].

Молчаливые не проявляющие активности массы и создают эффект однородности. Но так ли это на самом деле? Правильно ли на основании эффекта молчания говорить о бесструктурности, бессодержательности масс? Всегда ли масса является молчаливой?

Даже с учетом всей аргументации Ж. Бодрийяра и его сподвижников столь же правдоподобной выглядит и иная гипотеза: массы говорят в другой тональности нежели власть. Те ее механизмы, которые специально созданы для того, чтобы слушать массы, оказываются не способны это сделать. Именно поэтому власть и не слышит массы. Именно поэтому массы кажутся молчаливыми.

Власть в России пытается слышать исключительно политические высказывания масс. Именно их она боится, ибо видит за ними покушения на самое себе. Но люди, которые уже не ждут ничего доброго от власти, не ждут быть услышанными, самоорганизуются вне власти и начинают говорить на своем языке. В результате происходит как бы герметизация власти, политика постепенно элиминируется, спускаясь первоначально до местного уровня, а затем модифицируясь в формах активности, совершенно не понятных для традиционно устроенных властных субъектов.

Буквально несколько примеров. В крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород и др.) за последние несколько лет в массовом порядке начали создаваться неформализованные игровые клубы, игровые сообщества. Люди собирались играть в «Мафию», «Манчкин», «Монополию», спортивный покер и т.д. Все это возникло еще до того, как телевидение стало пропагандировать некоторые из названных игр. Некоторые сообщества оказывались очень устойчивыми. Известны игровые сообщества, которые существуют уже несколько лет.

Равно такая же ситуация с сообществами киноманов. Почти во всех крупных городах действуют сообщества поисковиков-«кладоискателей». Байкеры, туристы, любители машин определенной марки, коллекционеры и т.д., и т.п. не просто существуют, но и активно действуют. Но власть их не видит, предпочитая формировать общественные палаты, не имеющие никакого отношения к локальной демократии и процессам самоорганизации местных сообществ. Самоорганизующихся граждан замечают только тогда, когда

власть вольно или невольно наступает на их права. Запретив спортивный покер, власть не уничтожила его, но активизировала рост неформальных объединений численностью в 10-30 человек, иногда до 100, которые собираются на квартирах или в кафе и спокойно устраивают турниры или просто играют.

Более активно повели себя автомобилисты, когда их права формально и фактически были затронуты подъемом пошлин на иномарки, ужесточением правил дорожного движения, массовыми нарушениями закона со стороны сотрудников ГАИ-ГИБДД, распространением «мигалок» и т.п. Волнения и просто демонстрации прошли по всем более или менее крупным городам России от Владивостока до Калининграда. Результат – фактический запрет на акции автомобилистов на дорогах. При этом не учли одного, за последние годы автомобильные сообщества уже сформировались. Они представляют уже реальную силу, много более мощную, нежели ранее существовавшая Партия автомобилистов. Новыми запретами ничего не решено. Запреты вызвали лишь новый виток противостояния власти, например в форме борьбы с мигалками, осуществляемой арт-группой «Война» [2] и иными активистскими структурами по всей территории России.

Другими словами, имплозивность (бездеятельность, отсутствие реактивности) и как следствие – бесструктурность местных сообществ – миф, который активно распространяется и часто приживается в общественном сознании. Напротив, попытки создания молчаливого большинства приводят к стимулированию процессов самоорганизации локальных сообществ, их структурированию и зарождению элементов локальной демократии.

В этом отношении принципиален вывод: общение есть катализатор активности. Причем любое общение. Активное развитие отдельных групп, местных сообществ (территориальных, на основе хобби и т.д.) рождает большое сообщество и на уровне муниципалитета, и далее на уровне региона и страны. Региональная и государственная идентичности своими корнями уходят в активность местных сообществ и локальную демократию.

Наконец, интересы в локальных сообществах структурированы хотя бы потому, что в этих сообществах существует властная иерархия: управляющие – управляемые. И в этой иерархии интересы власти и общества с неизбежностью разнятся.

Второй. Местные сообщества далеко не тождественны, как не тождественны и их внутренние структуры. Одна структура интересов в мегаполисе, другая в небольшой сельской муниципии. Более того, сами крупные города отличаются друг от друга выраженностью тех или иных интересов и степенью проявленности соответствующих групп. Еще более многообразны небольшие муниципальные образования. Причины этого также различны. История, культу-

ра, экономика, система управления и многие иные факторы определяют структуру интересов в конкретной муниципии, в конкретном местном сообществе. Например, в Уральском федеральном округе достаточное количество городов с численностью 50-100 тысяч человек. На первый взгляд их объединяет то, что все они построены вокруг одного-двух производств, связанных с металлургией, машиностроением, добычей или переработкой полезных ископаемых (уголь, соли, руды, нефть и газ). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что довольно часто подобного рода типичность и соответственно схожая структурированность локального сообщества есть лишь видимость.

Возьмем для примера два города: Ирбит (Свердловская область) и Тобольск (Тюменская область). Население первого – около 60 тысяч, второго – чуть более 100 тысяч. Градообразующим предприятием Ирбита в послевоенные годы являлся мотоциклетный завод, в 90-е гг. прошлого века его значение резко упало, но возросла роль автоагрегатного, стекольного, химико-фармацевтического и иных более мелких производств. По большому счету, суть профессиональной структуры поменялась не очень сильно. В Тобольске нефтехимический комбинат хотя так и не вышел на проектную мощность, но все же играет примерно ту же роль в экономике города, что и мотоциклетный в Ирбите. «Довеском» так же выступают менее значимые производства. И при этой схожести промышленной структуры города принципиально отличаются друг от друга по структуре представленных в местном сообществе интересов. Дело в том, что «по разные стороны» б] развели культурно-исторические факторы.

В Тобольске действуют Тобольская духовная семинария, крупнейшая в Сибири, с регентским и иконописным отделениями, Тобольская православная гимназия, туристический бизнес, связанный с посещением исторических религиозных центров, знаменитый Абалакский монастырь и т.д. Кроме этого, была принята федеральная целевая программа развития Тобольска, нацеленная на восстановление исторических памятников, связанных в том числе и прежде всего с церковью. Результат для местного сообщества закономерен. По подсчетам примерно каждый 9–10-й человек в Тобольске связан с православной церковью. Именно в рамках этого дискурса и формируются местные сообщества. Ирбит, в свою очередь, был лишен и федеральной программы, и такого количества архитектурных памятников, связанных с православием. В итоге культурно-смысловой слой, связанный с Ирбитскими ярмарками и иными историческими фактами, был размыт. Современная ирбитская идентичность привязана к дышащему на ладан мотозаводу и мотоциклам «Урал». Поэтому именно в Ирбите ежегодно проводятся слеты байкеров со всей России, сильно клубное мотоциклетное движение. Другими словами, символы этих двух, не сильно отдаленных друг

от друга муниципий и соответствующих гражданских сообществ, соответственно, байкер на мотоцикле «Урал» в Ирбите и девушка с крестиком в белом платочке и длинной юбке в Тобольске.

Третий. В поисках структуры местных сообществ традиционная количественная социология часто пасует. Дело как в собственно методике, так и в постановке задач, пределы которых ограничены самой сутью квантифицированного исследования, а также в ограниченности исследовательской традиции.

Что касается методики, то ее проблемы очевидны для типологических ситуаций, в которых есть априорное якобы знание критериев структуризации и типологизации. Например, наиболее стандартный прием выяснения интересов местного сообщества и его структуры – количественный социологический опрос, в котором с различными вариациями фигурирует вопрос: «Что Вас больше всего волнует (тревожит и т.п.)?» В результате практически в 100% случаев исследователь получает следующую иерархию ответов: индивидуальная экономика (доход, зарплата, занятость, цены, инфляция и т.п.), безопасность (неуверенность в завтрашнем дне, угроза увольнения, милицейский беспредел, освещенность улиц и т.д.). За этими двумя самыми популярными ответами следуют нюансированные частности, которые ситуацию как не проясняют, так и не запутывают. Охрана животных, мусор на улицах, свежий воздух, качество образования, доступность здравоохранения и т.д. – проблемы, которые по отношению к первым двум группам ответов, являются факультативными. Отсюда вопрос, если ответы на вопрос об актуальности местных проблем совпадают в подавляющем большинстве локальных сообществ в самое разное время, то стоит ли верить традиционным опросам?

Очевидно, что при таких исследованиях многие интересы, которые могут стать основой для социальной активности, остаются «за кадром». Например, в Екатеринбурге в апреле 2010 г. на улицы вышло более 5 тысяч человек с требованием согласования с населением города плана застройки Площади Труда, являющейся одной из центральных городских площадей. Ни одно исследование не в состоянии было выявить этого интереса в общей структуре местного сообщества.

Кроме того, создается впечатление, что традиционная социология, часто руководствуется закостеневшими представлениями о социальной структуре и соответствующей структуре интересов локального сообщества. Например, весьма распространенным фактом является выделение в социальной структуре такой группы, как молодежь. При этом данная возрастная группа наделяется чертами группы интересов, хотя по сути в ней соединяется несоединимое: молодой миллионер и молодой нищий, выпускник престижного вуза и молодой бомж без образования.

Другими словами, структура интересов локального сообщества много сложнее набора традиционных социальных сегментов (профессиональных, возрастных, гендерных, этнических и т.п.), «предлагаемых» социологами-традиционалистами.

Четвертый. Структура интересов локального сообщества не есть нечто стабильное, напротив, она является динамичной, подвижной. Структуризация интересов и образование соответствующих групп благодаря современным средствам коммуникации может проходить практически мгновенно. За считанные дни и даже часы. Уже упоминаемый выше массовый митинг в Екатеринбурге был собран «через Интернет». И уже на следующий день он вошел в повестку. Более того, в городской повестке тема застройки Площади Труда держится уже на протяжении почти года, структурируя городское сообщество по очень простому основанию: «за» постройку на этой площади православного храма и, соответственно, против строительства.

Фактически в данном случае, вольно или нет, но произошло конструирование социальной реальности. И такого рода примеры не только не единичны, но и массовы. Структура интересов локального и не только сообщества может формироваться сознательно. Современная реальность пластична, а потому ровно также могут конструироваться локальная идентичность и формироваться группы интересов и т.д.

Субъектами структуризации локальных сообществ могут стать и власть (всех уровней), и общественные объединения, движения, и отдельные активисты.

Типичные структуры местного сообщества.

Несмотря на уникальность каждого местного сообщества тем не менее имеет смысл говорить о существовании типичных оснований для структуризации интересов местного сообщества, которые в самых различных комбинациях могут применяться для поиска или формирования соответствующих групп. Перечислим лишь некоторые, сгруппировав их по содержанию, по сути интереса.

Типичные традиционные интересы.

К этой группе оснований для выделения интересов можно отнести:

- профессиональные,
- этнические,
- гендерные,
- конфессиональные,
- экономические (уровень дохода и т.п.),
- образовательные и иные, которые хорошо известны и присутствуют в каждом муниципалитете.

Достаточно часто именно по этим основаниям образуются группы интересов самого различного характера, проявляющие себя и в политической сфере, и сфере гражданского лоббизма.

Территориальные интересы.

Муниципальное сообщество чаще всего разделено на отдельные территории. В крупных городах можно прожить всю жизнь, но так и не побывать в целом ряде микрорайонов и даже районов. Иногда территориальная неоднородность достигает таких масштабов, что верным будет утверждение о наличии в одном городе нескольких городов. Есть, например, несколько Санкт-Петербургов в самом Санкт-Петербурге. В Екатеринбурге уже появляются национальные районы, в которых компактно проживают визуальные меньшинства (китайцы, таджики и т.д.). И это касается не только мегаполисов. В Свердловской области есть город Волчанск, численность населения которого не превышает 10 тысяч человек. Город буквально «разорван» на две части: Волчанку и Лесную Волчанку, расстояние между которыми несколько километров. Соединяет две части города 7–8-километровая трамвайная линия, занесенная в книгу рекордов России, с одним вагончиком. Но дело не только и не столько в территориальной разобщенности. Две части города разделены буквально во всем, начиная с ЖКХ и заканчивая профессиональной структурой. Во время местных выборов избиратели, проживающие в разных частях «единого» Волчанска предпочитают голосовать исключительно за «своих» представителей и против «чужих».

Наиболее известными формами организации территориальных интересов в местном сообществе, помимо выборов, являются референдумы, опросы, ТОСы, товарищества собственников жилья, домовые комитеты и т.д. В последнее время широкое распространение получили группы интересов, выступающие против точечной застройки, за сохранение дворов, исторического облика того или иного населенного пункта и т.п. Стоит вспомнить известную фразу о том, что именно территориальное самоуправление есть оплот всей демократической системы.

Досуговые интересы.

Значение этих групп интересов часто неоправданно преуменьшается, хотя их мобилизационные возможности и результирующие эффекты значительны для местных сообществ. Например, в крупных городах России День мыльных пузырей собирает до 15 тысяч участников. Еще большее количество людей посещают музеи во время традиционной Ночи музеев. В 2010 г. в Санкт-Петербурге по музеям «гуляли» 76 тысяч человек, а в Москве более 550 тысяч. Пропорционально сопоставимые цифры и по другим городам. Уже несколько лет ощущается все более жесткая потребность в организации досуговых площадок и мероприятий, и что важнее – тенденция к самоорганизации людей для проведения досуга. Назовем лишь

несколько любопытных, на наш взгляд, тематических направлений, по которым идет оформление досуговых интересов:

- поиск «кладов». Поисковики – люди, которые самостоятельно занимаются поиском и раскопками монет, наконечников для стрел и прочей металлической атрибутики, имеющей хоть какую-то коллекционную ценность. Продажи поисковой техники стабильно растут;
- обсуждение кинофильмов, например такого направления, как аниме;
- настольные игры («Мафия», «Манчкин» и пр.);
- активные игры. Здесь прежде всего нужно отметить «Дозор» (в настоящее время игры проходят почти в двухстах городах России);
- байкеры;
- стрелки из пневматического и иного оружия;
- txt-клубы (писатели, поэты и просто любители собираются для совместного чтения/прослушивания произведений малых форм);
- дискуссионные исторические клубы и т.д., и т.п.

На фоне взрывной досуговой активности по самым разным направлениям когда-то выглядящие экзотично толкиенисты кажутся явно устаревшими, такими же, как, например, члены клубов самодеятельной (авторской) песни или филателисты.

В чем принципиальная важность такого рода интересов и структур? Дело в том, что общение, в том числе досуговое, создает доверие, а доверие служит опорой уже не только в досуговой деятельности, но и в гражданском лоббизме по иным вопросам, и в политических действиях. Тем более, что очень часто люди, активно участвующие в создании разнообразных досуговых форм или просто принимающие участие в массовых досуговых мероприятиях, являются и социально, и политически активными. Во всяком случае, не равнодушными. Не случайно в свое время власть с большой опаской относилась к бардовскому движению, осознавая, что его потенциал выходит далеко за рамки палаток, костров и мастрюковской поляны, где проводится Грушинский фестиваль.

Социально значимые неполитические интересы.

В данную группу интересов можно отнести те интересы, которые объективно имеют высокую социальную значимость и направлены, как правило, на восстановление или приобретение права на помощь кому-либо и т.д. Из наиболее массовых структур, функционирующих в местных сообществах и даже выходящих на региональный и федеральный уровни, можно назвать:

- автомобилистов (от клубов любителей определенных марок машин до обществ защиты прав водителей);
- защитников животных;
- экологов;
- инвалидов;
- благотворителей;

- борцов с наркоманией;
- ветеранов локальных войн;
- казаков. В отличие от опереточных «городских» казаков, например, в некоторых селах Челябинской, Оренбургской и других областей казаческие объединения и казаческое самоуправление – вполне внятная и гражданская, и политическая реальность;
- предпринимателей, объединяющихся для защиты своих интересов;
- вкладчиков, дольщиков и иных, пытающихся восстановить или защитить свои экономические интересы; и т.д., и т.п.

Порой представители такого рода групп интересов в локальных сообществах являются реальной силой, успешно отстаивают свои права, добиваются от власти решений в свою пользу.

Политические интересы.

Актуализация политических интересов местных сообществ происходит во время выборов. Реализация этих интересов в электоральный период осуществляется в форме наказов, инициатив поддержки, волонтерского движения и т.д. Но это лишь одна сторона вопроса. С другой стороны, сами выборы есть и способ формирования локальной идентичности, и катализатор структуриации политических интересов в локальном сообществе.

Более того, ряд городов доказали, что существует возможность формирования групп интересов по отношению к самим выборам и сегодня, а не только во времена суфражисток. Например, в Перми уже дважды предпринимались попытки отмены прямых выборов главы города. Несколько лет назад пермяки сумели отстоять свое право, собрав примерно 150 тысяч подписей в его защиту. В 2010 г. попытка была предпринята снова. В ответ был организован комитет в защиту права избирать мэра, проведено множество акций и даже выиграны публичные слушания по этому вопросу.

Помимо выборов существует множество иных оснований для политической структуриации, начиная, например, с решений о возведении или сносе (переносе) тех или иных памятников, имеющих политическое звучание. Ситуация с памятником Ф. Дзержинскому и Мавзолеем В. Ленина в Москве – наиболее яркие и известные примеры. Но свои ленины, дзержинские, малышевы, свердловы есть повсеместно. Иногда не в форме «отлитых в гранит» скульптур, но в форме названий улиц, площадей, вузов и т.д. Поляризация мнений по этим вопросам иногда пробуждает такую активность, что власти часто просто боятся ставить и решать эти вполне внятные вопросы.

В этой связи заметим, что совсем не случайно некоторые муниципалитеты и даже регионы называют «красными», за другими закрепилась слава демократических. Например Пермь, Екатеринбург, Санкт-Петербург слывут либеральными, а вот Москва этот имидж давно утратила.

Можно выделять и иные основания для классификации интересов и структур местных сообществ, связанные с сутью самого интереса, но существуют и другие поводы для их классификации.

По уровню организованности, влияющей на стабильность групп интересов, можно выделить следующие структуры:

– аномические, то есть стихийные группы, не имеющие устойчивой структуры. Например спонтанные пикеты, демонстрации и т.д. Наиболее заметными традиционными аномическими группами являются в том числе пограничники и десантники, отмечающие свои профессиональные праздники путем выхода на улицы и скверы в форме. Аномические группы интересов обычно формируются вокруг конкретного события;

– неформальные группы, то есть не имеющие четкой структуры, но более или менее устойчивые. Например общественные движения;

– ассоциативные группы интересов, то есть группы имеющие структуру и устойчивые. Например общественные организации.

Последние тенденции связаны с актуализацией аномических и неформальных групп интересов. Если ранее справедливой была фраза, которую приписывают Солу Алински, оказавшему влияние на многих политических и общественных деятелей, включая Барака Обаму: «Хочешь изменить мир – создай эффективную организацию», то в современной России все более справедливым становится утверждение иного плана – хочешь добиться успеха, выведи на митинг 10 тысяч человек. И иногда для этого не нужна мощная структурированная организация, ценность которой, безусловно, сохраняется. Но бывает достаточно Интернета и популярного блога. Например, большинство флешмобов были организованы без использования off-line технологий, только через Интернет. И не случайно властные структуры уделяют такое пристальное внимание сканированию Интернет-пространства с целью выявления потенциальных общественно значимых тем и активистских структур.

Также заметим, что доверительность, которая принципиально важна для формирования локальных сообществ, имеет место быть и при Интернет-общении. При этом очень часто виртуальное общение на форумах и в блогах перерастает в общение off-line и создание реальных сообществ по интересам. Более того, Интернет чрезвычайно актуализировал связи, которые ранее утрачивались. Например, ранее собрания одноклассников, одноклассников (а это группы с высоким уровнем взаимного доверия) устраивались только по круглым датам окончания школы или вуза. Сегодня эти собрания, правда в виртуальном мире, проходят ежеминутно. Это касается и других групп и сообществ.

По направленности групп интересов и проводимых ими акций все их можно разделить, условно говоря, на структуры позитивной

направленности и группы выступающие против чего-либо или кого-либо. Первые иногда не сильно заметны, зато вторые, в том числе благодаря неадекватной реакции властей, много чаще попадают в повестку и локальную, и региональную, и федеральную.

Вот, например, широко известное в стране Товарищество инициативных граждан России (ТИГР) на своем сайте в главном меню первым подразделом разместило инструкцию «Как организовать акцию протеста» [3]. Такого рода заявка, да и все содержание «тигриного» сайта, сразу же позволяет отнести ТИГР к протестным движениям, хотя многие акции ТИГРа были направлены формально на продвижение вполне здравых и полезных идей.

Однако позитивных групп интересов много больше. И по количеству участников, и по сути их деятельности. В последнее время отчетливо ощущается стремление многих участвовать не только, и не столько в акциях протеста, сколько в акциях позитивной направленности, если они предполагают влияние на власть, с диалогом даже с негативно оцениваемым в общественном мнении чиновником. В заключение сделаем несколько выводов.

Во-первых, любой большой или маленький муниципалитет это сообщество сообществ или, иначе говоря, сообщество групп интересов.

Во-вторых, локальная демократия есть не что иное, как процедура согласования интересов, часто не имеющих отношения к политике.

В-третьих, от активности этих групп интересов зависят все потенциалы местного сообщества, начиная с гражданского и заканчивая экономическим.

В-четвертых, правдоподобной выглядит гипотеза о том, что на фоне попыток огосударствления местного самоуправления закономерно выглядит беспрецедентный рост активности самых разнообразных групп интересов в местных сообществах, бурно происходящая структуризация местных сообществ, нарастающая их политизация и активизация аномических групп.

В-пятых, все большую роль в стимулировании гражданской активности начинают играть Интернет-технологии, которые кроме всего прочего являются значимым фактором структурирования местных сообществ и становления локальной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального: Editions DENOEL. 1982; Екатеринбург, 2000. 95 с.
2. В Москве задержан «человек-ведерко», пробежавший по машине с мигалкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nr2.ru/moskow/285153.html> (проверено 15.07.2010 г.).
3. Товарищество инициативных граждан России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tigr.org/> (проверено 15.07.2010 г.).

RESUME

Konstantin Victorovich Kiselev, Candidate of Philosophy, associate professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 257-96-25, kiselevkv@yandex.ru

The Structuralization of Local Communities and Groups of Interests

The article observes basic methodological problems in the study of the structure of local communities in Russian Federation, i.e., the issues of implosion, identity construction and formation of groups of interests in local communities. The author analyses the main tendencies in the development of the structure of local communities and presents the classification of interests and structures of local communities.

Local communities, local democracy, groups of interests, the structure of local communities, methodology of study of groups of interests, classification of groups of interests in local communities.

Материал поступил в редколлегию 29.11.2010 г.